

УДК: 81'246.2

DOI: 10.17223/19986645/48/6

Г.Н. Чиршева, П.В. Коровушкин

СМЕШАННЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ БИЛИНГВАЛЬНЫХ ДЕТЕЙ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ СЕМЬЕ

Авторы статьи описывают структурные, семантические и прагматические особенности русско-английских смешанных высказываний в речи двух детей, одновременно усваивающих русский и английский языки в русской семье в России. Такие высказывания трактуются как переключения кодов, имеющие возрастную специфику на ранних этапах развития билингвизма (до 3 лет). Они подчиняются принципам грамматики кодовых переключений, которые предусмотрены рамочной моделью матричного языка, разработанной в зарубежной лингвистике.

Ключевые слова: детский билингвизм, переключения кодов, структура, прагматика билингвальной речи, русский, английский.

Описывая формирование билингвизма у маленьких детей, исследователи часто указывают на обилие смешанных высказываний и чаще всего трактуют их как временное явление, которое следует преодолевать, добиваясь монолингвальности речи, т.е. отсутствия в ней иноязычных элементов.

Однако билингвы, как маленькие, так и взрослые, часто находятся в так называемом «билингвальном модусе» [1. С. 5–20], когда одновременно активизируются оба языка, что стимулирует использование двуязычных высказываний.

Цель нашей работы – на основе положений одной из моделей билингвальной речи охарактеризовать структуру, а также описать семантику и прагматику ранних переключений кодов, наблюдавшихся в высказываниях двух братьев, одновременно усваивающих русский и английский языки в русскоязычной семье, проживающей в России.

Разница в возрасте между мальчиками – 2 года 4 месяца (Миша – старший, Саша – младший). Мы будем рассматривать только те переключения кодов, которые зафиксированы в речи мальчиков до 3 лет (3; 0)¹.

Билингвальное воспитание в этой семье осуществляется по принципу «один родитель – один язык»: мама разговаривает с детьми по-русски (на родном языке), папа – по-английски (английский язык не родной, он его усваивал по такому же принципу «один родитель – один язык» от своего русскоязычного папы). Кроме того, по-английски с детьми разговаривают бабушка и дедушка (родители со стороны папы мальчиков), которые также не являются носителями английского языка, но активно и регулярно им пользуются в профессиональной деятельности.

Тип билингвизма по способу формирования можно охарактеризовать как естественный, так как он формируется в естественной повседневной комму-

¹ Краткий вариант возраста ребенка указывается в круглых скобках следующим образом: количество лет; количество месяцев, количество дней. Например: (1;09;03) – 1 год, 9 месяцев, 3 дня.

никации, без специального обучения. Его отличие от естественного билингвизма в смешанных семьях состоит в том, что он сопровождается очень ограниченным формированием бикультуральности и отсутствием англоязычной социализации. Дети усваивают элементы англоязычной культуры только по фильмам, мультфильмам, книгам, другим артефактам (игрушкам, сувенирам, предметам одежды и т.д.), привезенным из других стран, а также в редких ситуациях общения с носителями английского языка.

Попытки исследователей детского билингвизма выявить типичные черты в ситуациях формирования ранней билингвальности у разных детей с одинаковыми комбинациями языков в инпуте (речевой среде, в которой растет ребенок) в семьях с двумя и более детьми пока дают противоречивые результаты.

А. Яровинский, изучавший венгерско-русский билингвизм в десяти семьях Венгрии, отмечал более активное билингвальное развитие у старших детей, с которыми их русскоязычные матери старались говорить только на русском языке (все остальные говорили по-венгерски); с младшими детьми они уже меньше говорили по-русски, а старшие дети, подражая им, тоже общались с братьями или сестрами чаще всего по-венгерски [2].

Дж. Сондерс, который формировал моноэтнический англо-немецкий билингвизм трех детей в своей семье в Австралии, указывал, что наиболее активное билингвальное развитие наблюдалось у младшего ребенка (дочери). Он объяснял это тем, что два ее старших брата, подражая отцу и выполняя его просьбу, старались разговаривать с сестренкой по-немецки и часто хвалили ее за то, что она говорила на этом языке [3, 4]. Возможно также, что это происходило потому, что обычно девочки начинают говорить активнее и в более раннем возрасте.

Гендерные различия в усвоении языков отмечает и Е. Мадден [5], близнецы которой – мальчик и девочка – усваивали три языка: русский язык мамы, английский язык папы и немецкий язык общества. Е. Мадден отметила более медленные темпы усвоения языков сыном, что заставило родителей даже обращаться за рекомендациями к логопеду. У дочери проблем в речевом развитии ни на одном из языков не отмечалось. Разумеется, как и у всех других многоязычных детей, в речи близнецов наблюдались переключения кодов и интерференция на всех языковых уровнях [5, 6], но в многоязычных семьях такие явления в настоящее время обычно не вызывают беспокойства.

Даже если близнецы, как в семье Е. Мадден [5], демонстрируют достаточно много различий в усвоении одних и тех же языков, то тем больше вариативности следует ожидать от формирования билингвальности у братьев и сестер разного возраста. Различия зависят от индивидуальных личностных особенностей каждого ребенка, гендерных различий, возрастных интервалов между детьми, отношения родителей к формированию инпута каждого ребенка, тактики привлечения старших детей к общению с младшими, возможностей детей общаться с разным количеством собеседников, количества и качества материальных ресурсов (разноязычные книги, фильмы, игрушки и пр.), которые им были предоставлены, а также по ряду других причин.

Автор книги «Bilingual siblings» С. Бэррон-Ховерт считает, что для всестороннего исследования билингвальности детей из одной семьи необходимо

учитывать специфику языков, которые в общении друг с другом предпочитают билингвальные братья и сестры; важны также величина семьи и разница в возрасте детей; следует принимать во внимание и то, отказывался ли кто-то из детей говорить на одном из языков [7].

Если коротко охарактеризовать особенности формирования билингвизма наблюдаемых нами детей, Миши и Саши, то получается такая картина.

1. Разница в возрасте небольшая, но значимая для речевого развития: когда родился Саша, Миша уже продуктивно использовал оба языка и более полугода ходил в детский сад. Когда Саша начал разговаривать, Миша уже обращал внимание на особенности речи и оценивал их (передразнивал брата, рассказывал другим, как он смешно произносит какие-то слова, учил его произносить отдельные слова и фразы по-русски и по-английски).

2. Братья в общении друг с другом и с другими людьми предпочитают русский язык.

3. Саша редко говорил по-английски до трех лет, однако иногда переходил на английский, подражая старшему брату, который с папой старается общаться по-английски.

4. Ни один из детей не отказывался разговаривать ни на одном из языков, однако оба довольно часто, особенно Миша, не реагировали на просьбы повторить на английском языке то, что уже сказали по-русски.

На любом этапе становления, существования и убывания билингвизма вполне естественным является смешение языков, которое мы рассматриваем как переключение кодов. По нашему мнению, специфика кодовых переключений на разных этапах довольно заметно варьируется как по качественным, так и по количественным параметрам.

У детей из одной семьи, усваивающих два одинаковых языка по одному и тому же принципу билингвального воспитания, на самых ранних этапах становления билингвизма мы предполагаем наличие структурно и прагматически сходных характеристик кодовых переключений. Различия могут наблюдаться в объемах продуктивных словарей на каждом языке и количестве межъязыковых функциональных эквивалентов (МФЭ). У Миши и Саши оба эти параметра отличались незначительно.

При установлении этапов развития детского билингвизма учитываются особенности развития билингвального словаря, специфика дифференциации языков, формы взаимодействия языков в виде кодовых переключений и интерференции, автоперевод, спонтанный и осознанный перевод [8]. Согласно данной классификации оба ребенка (Миша и Саша) в рассматриваемый нами период находились на втором этапе билингвального развития. Если на первом этапе наблюдаются только пассивные (рецептивные и репродуктивные МФЭ), то на втором уже появляются продуктивные МФЭ, стимулирующие автоперевод, спонтанный и осознанный перевод.

У. Ланверс, исследовавшая немецко-английские переключения в речи детей от 1;06 до 2;11 из одной семьи, живущей в Великобритании, показала, как постепенно меняются структурные и прагматические характеристики их переключений. В качестве основной причины самых ранних переключений она указывает дефицит лексических средств, что заставляет ребенка использовать единицы из того языка, в котором нужные лексемы уже усвоены [9. С. 460].

При помощи модели анализа переключений кодов the Matrix Language Frame Model (MLFM), разработанной К. Майерс-Скоттон [10, 11, 12], мы можем сопоставить очередность появления системных и содержательных морфем в ходе порождения билингвальной речи и порядок их усвоения детьми-билингвами. Согласно этой модели различают, во-первых, матричный и гостевой языки, а также два типа морфем: содержательные и системные (ранние и поздние). Системными могут быть служебные слова и словоизменительные морфемы в составе слова. В разных языках способы их выражения часто не совпадают, поэтому единица анализа билингвальной речи – морфема, а не слово. Подробное описание модели «рамки матричного языка» (далее – РМЯ) дано в работах К. Майерс-Скоттон [10, 11, 12], на русско-английском материале она использована в работах Г.Н. Чиршевой [13, 14].

В соответствии с моделью РМЯ различают: 1) МЯ – матричный язык (the Matrix Language) и ГЯ – гостевой язык (the Embedded Language); 2) содержательные морфемы (content morphemes) и служебные морфемы (system morphemes). Единицей анализа билингвальной речи является морфема как наиболее универсальная для комбинаций типологически разных языков.

В высказываниях с кодовыми переключениями матричный язык определяет специфику построения морфосинтаксической рамки. Это осуществляется на основании двух принципов: принципа порядка морфем (the Morpheme Order Principle) и принципа системных морфем (the System Morpheme Principle), которые определяют порядок морфем и обеспечивают предложение синтаксически релевантными морфемами из обоих языков. Гостевой язык подчиняется правилам матричного языка и лишь в пределах так называемых «островов ГЯ» может вносить некоторые элементы своей грамматики: устанавливать характерный для нее порядок следования морфем и использовать системные морфемы (граммемы), например показатели множественного числа, артикли и т.д.

Для разграничения содержательных и системных морфем существуют три критерия. Они заключаются в выявлении наличия или отсутствия следующих характеристик: 1) квантификации (дейктичность, количественность, выбор временной рамки); 2) управление семантическими ролями; 3) получение семантических ролей.

Системные морфемы (слова) обладают только первым свойством. В английском языке в эту группу входят: вспомогательные глаголы и глаголы-связки; глагол *do*; предлог *of*, передающий значение родительного падежа; местоимения и местоименные наречия, выполняющие функции формальных членов предложения; вопросительные слова; детерминанты; притяжательные прилагательные и другие слова, которые используются в препозиции к существительному (*all, any, no* и др.).

Содержательными морфемами являются большинство глаголов, предлогов, существительных, качественных (описательных) прилагательных и местоимений, которые их замещают. Качественные и относительные прилагательные и наречия (содержательные морфемы) из ГЯ свободно появляются в смешанных структурах, а притяжательные прилагательные и количественные прилагательные-местоимения (системные морфемы) не обладают этим свойством. Наречия *very* и *too* – системные морфемы – не появляются в качест-

ве единичных лексем в смешанных структурах, если они представляют ГЯ. Однако они часто являются начальными словами в пределах островов ГЯ, например: *Ты знаешь об этом very well; Я был very surprised.*

Качеством «управление семантическими ролями» обладают глаголы и предлоги (в глагольном и предложном управлении). Например, глагол *beat* задает две роли – субъекта и объекта. Существительные и местоимения «получают» семантические роли от глаголов, которые ими управляют. Содержательные морфемы, получающие семантические роли (падежи), можно замещать вопросительными словами *who, what, how, when, where* и т.п.

Среди предлогов есть и системные морфемы, и содержательные, причем их статус в разных языках может не совпадать. К группе системных морфем относятся многие локативные и темпоральные предлоги. Предлог *for* – содержательная морфема, так как она «управляет» семантико-синтаксическими ролями цели или бенефицианта. Содержательными морфемами также являются предлоги *before, between, with* и *within*.

Почти все местоимения являются содержательными морфемами, за исключением *it* и *there* в функциях формального подлежащего и дополнения.

Среди системных морфем выделяются три группы: 1) «ранние» (early system morphemes); 2) «поздние соединительные» (late bridge morphemes); 3) «поздние внешние» (late outside morphemes).

Первая группа морфем активизируется одновременно с содержательными морфемами. Ранняя системная морфема может входить в состав той же леммы, что и содержательная морфема (например, если множественное число существительного выражается путем изменения гласных в корне), либо находиться в разных леммах (например, морфема *-s* как флексия, выражающая значение множественного числа существительных).

Системные морфемы двух других групп, «поздние» системные морфемы, получают свои структурные роли в процессе речепроизводства позднее. Поздние соединительные системные морфемы необходимы для построения связей между морфемами в пределах синтагмы; с их помощью содержательные морфемы «внедряются» в словосочетание. Примерами этой группы морфем являются: показатель посессивности *-‘s*, предлог *of* для оформления отношений родительного падежа в английском словосочетании и артикли. Поздние внешние морфемы опираются на информацию о структуре целого предложения. Например, выбор поздней морфемы *any* (а не *some*) в словосочетании *any money* зависит от наличия отрицательного наречия *never* в предложении *He never gets any money*.

Переключения кодов по своей структуре могут быть межфразовыми (intersentential) или внутрифразовыми (intrasentential). Последние, в свою очередь, делятся на два вида: 1) переключения между компонентами сложного предложения (clause-switches), в обособленных оборотах (parenthetical switches), в присоединенных частях (tag-switches); 2) переключения в пределах словосочетания или простого предложения. Среди последних различают два подвида: вкрапления и островные переключения – острова гостевого языка (island switches). Вкрапление представляет собой одиночную лексическую единицу (морфему или слово) ГЯ, подчиняющуюся грамматическим правилам МЯ. Фонетически или графически вкрапления могут быть оформлены по

правилам ГЯ или МЯ. Вкрапления не включают никаких системных морфем из ГЯ. Особый вид вкраплений – «голые формы» (*bare forms*), отличающиеся тем, что такие единицы гостевого языка в морфосинтаксической рамке матричного языка не оформляются грамматическими показателями, которые требуются в данной позиции, например: *Она вышла погулять со своим dog*. Островные переключения состоят из одной или нескольких содержательных морфем, могут включать одну или несколько системных морфем ГЯ, например существительное с артиклем и флексией и т.п.

На первом этапе в переключениях кодов и у Миши, и у Саши можно было наблюдать лишь содержательные морфемы. На втором этапе дети начинают использовать ранние системные морфемы (показатели множественного числа и артикли), но делают это неосознанно и нерегулярно.

На первом и втором этапах не всегда можно было установить ролевые отношения между матричным и гостевым языками. Не соблюдались и два основных принципа: порядка морфем и системных морфем. Первым начал применяться принцип порядка морфем матричного языка, который гласит: порядок следования морфем в билингвальном высказывании должен соответствовать порядку морфем матричного языка.

У Миши первый этап билингвального развития начался в 1;06 и завершился в 1;08, у Саши начался в 1;01 и закончился в 1;11, т.е. длился на 8 месяцев дольше, чем у Миши: начался на пять месяцев раньше, а завершился на 3 месяца позже.

Первые признаки того, что Миша понимает эквивалентность лексем двух языков, можно было наблюдать в одинаковых невербальных реакциях на вопросы, предлагающие показать что-либо, например, «Где твой носик?» и «*Where is your nose?*». Самые первые сходные невербальные реакции на эквивалентные русские и английские высказывания у Саши были зафиксированы в возрасте 1;01; так, в ответ на просьбы «Скажи до свидания» или «*Say good-bye*» он вел себя одинаково – махал ручкой.

Еще более явно понимание эквивалентности русских и английских лексем проявилось уже в вербальных реакциях: на вопрос, заданный на одном языке, ребенок давал в ответе его эквивалент на другом языке. Например, когда Мишу спросили по-английски: «*Where is your granny?*», – он показал на бабушку и сказал: «Баба!». На англоязычные просьбы: «*Say good-bye*» Миша в ответ махал ручкой и говорил по-русски: «Пока!». У Саши подобное понимание эквивалентности наблюдалось с 1;07. Так, когда бабушка показала на чашку с чаем и сказала: «*It's hot*», Саша показал на духовку и сообщил: «Гы!» (= *горячо*), т.е. продемонстрировал, что понимает эквивалентность английского *hot* и русского *горячо* (1;07;08). Пассивный МФЭ Саша использовал и в ситуациях, когда нужно было за что-то поблагодарить: ему дали виноград и по-английски попросили: «*Say: Thank you*», на что он ответил: «Cu!» (1;08;05). Точно так же он говорил «спасибо», когда просили об этом по-русски.

Такие реакции свидетельствуют о понимании (*comprehension*), но не о способности применять необходимые единицы в речи (*production*), поэтому их можно назвать рецептивными МФЭ.

Несмотря на то, что на первом этапе билингвального развития детей продуктивных МФЭ еще нет, смешанные высказывания как прообразы переключений кодов в их речи уже наблюдаются. Их причины – заполнение лексических лакун, артикуляционная сложность ряда согласных и в русском, и в английском языках.

Кроме того, присутствие взрослых, говорящих на разных языках, также стимулирует использование единиц из двух языков как на первом, так и на втором этапах билингвального развития. Например, Саша в присутствии папы и мамы сообщил о том, что в коридоре темно, сразу по-английски и по-русски: «*Dark, no*» (2;01;11).

В речи Миши смешанные синтаксические единицы появились значительно раньше, чем у Саши. Впервые они были зафиксированы в возрасте 1;06: «*Pana car*», «*Баба car*», «*Дедя car*». Он использовал такие структуры либо для обозначения принадлежности (машина папы, машина бабушки, машина дедушки), либо для указания на чье-то местоположение (*in the car*). Уже через месяц эти разные по семантике высказывания Миша начал дифференцировать, добавляя в локативные структуры звуковые комплексы, которые напоминали отсутствовавшие ранее предлог и артикль: «*Pana u-u car*», «*Баба u-u car*», «*Мама u-u car*» (1;07).

У Саши первое смешанное высказывание зафиксировано позднее, чем у Миши, – только на втором этапе билингвального развития. Это произошло, когда он просил Мишу отдать ему шайбу и построил просьбу так: «*Дай puck*» (2;01;11). В тот же день Саша вспомнил мультфильм, который любит смотреть, и назвал его смешанным словосочетанием: «*Маха и бе-е*» (= *Маша и bear*) (2;01;11).

На первом этапе билингвального развития структура переключений не отличается разнообразием: у Миши главным образом присутствуют собственнo вкрапления английских лексем (*dedя car*). У Саши такие структуры впервые появились только в начале второго этапа (*баба car* или *car баба*). Матричный язык в их высказываниях можно определить только косвенно – по доминантному языку, но не по структуре самих высказываний, в которых в равной степени представлены единицы двух языков.

Второй этап билингвального развития у Миши и Саши длился до 3;0.

Проблема определения матричного языка в билингвальной речи наблюдаемых детей по критериям, разработанным для модели РМЯ, сохраняется и на втором этапе. Поэтому при определении ролевых отношений языков приходится опираться на такой фактор, как доминантность языка, поскольку именно в речи на доминантном языке дети раньше усваивают грамматику и, следовательно, активнее и правильнее используют системные морфемы.

На втором этапе Миша продолжал часто обращаться к лепетным редупликатам, которые выполняли разные семантические роли. Например, услышав громкий стук, раздававшийся из склада магазина, Миша прокомментировал: «*Big тук-тук!*» (2;06;23). Как и во многих других высказываниях в начале второго этапа, здесь нет никаких системных морфем ни в одном из языков. Однако в то же время системные морфемы могут изредка появляться даже в высказываниях с лепетными словами. Так, складывая пазлы вместе с папой, Миша комментировал: «*Пу-nu in the car*» (= *мышка в машине*), «*Ав-ав*

in the car» (= *собака в машине*) (2;03;15). В английской части этих предложений присутствуют английские системные морфемы (определенный артикль), хотя еще нельзя с полной уверенностью утверждать, что ребенок использовал их осознанно. Саша до 3;0 использовал системные морфемы в английском языке очень редко, т.е. в плане структурного разнообразия кодовых переключений его высказывания были беднее, чем у Миши в тот же период.

Даже когда Миша уже достаточно часто использовал конвенциональные слова вместо лепетных, он иногда замещал их лепетными редуplikатами, например, увидев большую собаку, он сообщил: «*A big dog!*», а немного позднее, показав на другую большую собаку, воскликнул: «*O-o! A big aw-aw!*». (2;07;00). Отличие от подобных высказываний первой половины второго билингвального этапа заключается в использовании английской системной морфемы – неопределенного артикля. Это позволяет говорить о построении английской морфосинтаксической рамки и, следовательно, о том, что английский язык иногда начинает играть роль матричного в смешанных высказываниях Миши. Поскольку у Саши системных морфем английского языка было значительно меньше (они появлялись только в повторяемых им частях реплик взрослых), ни одно его смешанное высказывание не было оформлено на основе английской морфосинтаксической рамки.

Показатели множественного числа английских существительных (ранние системные морфемы, по терминологии модели РМЯ) Миша до 3;0 использовал в билингвальных высказываниях достаточно часто, но установить с уверенностью ролевые отношения в таких случаях тоже не всегда удается. Например, Миша показал на окно и прокомментировал: «*Tam cars*» (2;06;12); показал маме ключи и сообщил: «*Эмо keys*» (2;06;12). Саша эти системные морфемы до 3;0 использовал только репродуктивно.

Глаголы в билингвальной речи Миши в этот период либо отсутствовали, либо чаще всего были русскими. Например, он мог попросить ключ так: «*Папа, key!*» (2;02;10). Аналогичную просьбу он мог сформулировать и с глаголом: «*Баба, дай key*» (2;02;15). Саша тоже активно использовал подобные смешанные высказывания в этот период: «*Pana, дай key*» (2;04;10), «*Pana, дай key car!*» (2;05;09). В предложениях с глаголом *дай* роль матричного языка явно играет русский, а поскольку семантически и прагматически первый (безглагольный) вариант просьбы отличался мало, для него тоже можно считать матричным русский язык.

Миша довольно часто опускал глаголы в своих билингвальных ответных высказываниях, даже если слышал их в англоязычных репликах взрослых. Например, после того как вытер руки полотенцем, подал его бабушке и прокомментировал: «*Баба, towel*» (2;06;27). У Саши таких смешанных безглагольных высказываний было тоже достаточно много. Например, когда бабушка сказала Мише и Саше: «*It's cold. You should put on your socks*», Саша надел носки и показал бабушке: «*Я socks*» (= *я надел носки*) (2;02;23). Подобный случай наблюдался и в ситуации, когда Саша вышел провожать бабушку и, показав на ее туфли, спросил: «*Баба, boot?*» (2;02;23), т.е. поинтересовался, наденет ли бабушка туфли.

Предложения с указаниями на какие-то объекты Миша часто строил с русскими указательными местоимениями и без глаголов-связок, т.е. по пра-

вилам русского синтаксиса, но существительные, иногда с прилагательными-определениями, могли быть английскими. Все это указывало на то, что морфосинтаксическая рамка – русская, а следовательно, и матричным языком являлся русский. Например: «*Эмо big car*» (2;03;11); «*Эмо spoon*» (2;06;05); «*Эмо big bear*» (2;06;23). Интересно, что у Саши почему-то таких структур с русскими указательными местоимениями и английскими существительными до настоящего времени не было совсем.

Иногда Миша строил русскую морфосинтаксическую рамку даже несмотря на то, что только что услышал целое предложение по-английски. Например, бабушка сказала по-английски: *'It's a mouse'*, а Миша повторил из этого предложения только существительное: «*Эмо mouse*» (2;06;23). Саша поступал подобным образом, но с другими структурами. Например, после того как Миша спросил: «*And where is mummy?*», Саша построил аналогичный вопрос так: «*А где mummy?*» (2;04;16). В подобных структурах у Саши часто были представлены и местоимения «*Это you*» (3;0): Английскими существительными и местоимениями в таких высказываниях всегда обозначалась рема.

Подобным образом Миша оформлял предложения не только с существительными. Так, проходя мимо тренажера, Миша забрался на него, хотя бабушка предупредила: «*Be careful, it's too big for you*». Миша сначала повторил часть английского предложения: «*It's big*», а затем переключился на русскую морфосинтаксическую рамку: «*Эмо big*» (2;06;05). У Саши аналогичные структуры тоже были нередки. Например, после просьбы бабушки: «*Say: I am big*», Саша сказал: «*Я big*» (2;02;25). Нарушений принципов модели РМЯ в таких смешанных высказываниях не наблюдается.

Миша на втором этапе иногда оформлял острова гостевого языка¹. Например, «*Pu-ni in the car*» (= *мышка в машине*), «*Av-av in the car*» (= *собака в машине*) (2;03;15). Здесь наблюдаются вполне грамотно структурированные острова гостевого (английского) языка. В речи Саши острова гостевого языка до 3;0 зафиксированы не были. Единичными были случаи использования в смешанных высказываниях английских существительных во множественном числе или с неопределенным артиклем («*Я socks*», «*А guitar*»), но они наблюдались только как реакции на реплики взрослых и повторения частей их высказываний.

Английские глаголы в двухсловных высказываниях часто указывают на то, что ребенок строит англоязычную морфосинтаксическую рамку. Например, Миша прибежал в комнату из спальни и сообщил маме: «*Мама, там Саша sleep!*» (2;06;27). Здесь отсутствуют системные морфемы, которые требуются при построении морфосинтаксической рамки для английского языка как матричного. Русская морфосинтаксическая рамка для этих предложений также не построена². Поэтому матричным скорее всего здесь будет англий-

¹ Согласно модели РМЯ остров гостевого языка – это такой тип переключения кодов, когда переключаемые элементы демонстрируют в своем составе действие грамматики гостевого языка: наличие системной морфемы в словоформе и/или такое сочетание двух или более морфем, которое подчиняется порядку их комбинации в гостевом языке.

² По правилам модели РМЯ русская морфосинтаксическая рамка для таких предложений должна быть обеспечена русской системной морфемой и выглядеть так: *Pana sleep-um*.

ский язык, но с нарушением принципа системных морфем. Только если рассматривать английский глагол в таких предложениях как «голую форму», можно считать, что здесь нет нарушения принципов модели РМЯ.

«Голые формы» не нарушают правил модели РМЯ и встречаются в речи билингвов любого возраста. Большое количество «голых форм» характерно для смешанных высказываний детей-билингвов в тот период, когда они еще не усвоили нужных системных морфем. В речи Саши таких высказываний, когда английские слова выступали в смешанных высказываниях в виде «голых форм», до 3;0 не было.

Признаки русской морфосинтаксической рамки, подобные тем, что строят взрослые, когда присоединяют русские системные морфемы к английским содержательным (корневым) морфемам, появились в смешанных высказываниях Миши в середине второго этапа билингвального развития. Однако они были зафиксированы только для переключений со словом *phone*: «*No phon-я*» (2;06;17). У Саши таких типов переключений на первых двух этапах не зафиксировано.

В русских предложениях Миша иногда использовал английские обстоятельства места, что вполне соответствует одному из правил модели РМЯ: иноязычные второстепенные члены предложения, особенно те, которые удалены от главных и непосредственно не согласуются с ними (например, английские обстоятельства места и времени), легче вписываются в морфосинтаксическую рамку матричного языка. Так, когда дедушка спросил Мишу: «*Where is your cup?*», Миша в ответ показал: «*Вон there упал!*» (2;07;02). Саша тоже нередко использует английские обстоятельства в русских предложениях, например: «*Kmo there?*» (2;05;09).

Вопросительное местоименное наречие английского языка Миша часто использовал в составе русской морфосинтаксической рамки: «*Дедя, a where nana?*» (2;07;02), «*A Cаша? Where Cаша?*» (2;07;02). Саша тоже задавал подобные вопросы: «*Where мама?*» (2;03;27).

Согласно правилам модели РМЯ после личных местоимений, выполняющих функцию подлежащего, должно использоваться сказуемое из того же языка, поскольку личные местоимения – это системные морфемы, а они самостоятельно, без сопровождения содержательными морфемами, в иноязычных высказываниях не появляются. У детей, которые еще не полностью дифференцировали два языка и не усвоили основных правил их грамматики, такие отклонения от грамматики кодовых переключений фиксируются довольно часто. Саша постоянно задает вопросы: «*А я?*», «*А мне?*», «*And me?*» или «*A me?*». К этим вопросам он присоединяет либо английские, либо русские структуры, например: «*А я – some more?*», «*А я – more?*» (2;04;03). У Миши такие структуры на втором этапе появились немного позднее; он мог сказать: «*I здесь?*», «*Я sleep?*» (2;09;11), «*Я here?*» (2;09;20). Наряду с указанными смешанными структурами, Миша использовал и одноязычные, например, «*I'm here?*» и «*Я здесь?*».

Переключения, в результате которых Миша создавал гибридные слова, были единичными. Например, Миша принес папе сломанную машинку и сказал: «*Сломал*»; папа переспросил: «*The car is broken?*», после чего Миша ответил так: *набабок*ан (2;05;29). Так он соединил русское *бо-бо* и английское

broken, возможно, потому, что часто гладил сломанные машинки и говорил «бо-бо». У Саши такого межъязыкового словотворчества до 3;0 не наблюдалось.

Многие смешанные высказывания детей можно рассматривать как межъязыковое частичное дублирование или неполный перевод услышанного: ребенок «переводит» на русский язык только структурную часть английского предложения, а содержательную морфему оставляет в виде гостевого компонента. Например, у Миши: «*It is big*» – как «*Это big*», «*It is a dog*» – как «*Это dog*». «Переводы» отдельных лексем из высказываний взрослых Миша начал делать для уточнения или возражения. Например, Миша показал бабушке ключи, на что она сказала: «*They are granddad's*», Миша переспросил: «*Дедуни?*» (2;08;14). Саша в таких ситуациях чаще всего «переводит», чтобы согласиться. Например, папа попросил его: «*Say: granny Галя*», а Саша ответил по-русски: «*Баба Галя*» (2;04;23). Когда Саша рассматривал фотографии, он показал на ребенка и спросил: «*Кто – я?*», бабушка ответила: «*No, it's Mike*», Саша кивнул и назвал брата по-русски: «*Мися*» (2;05;09).

Во второй половине второго периода билингвального развития Миша начал сам «переводить» короткие предложения на русский язык. Саша начал спонтанно переводить в возрасте 2;07 в ситуациях, когда папа приходит за ним в детский сад. Папа просит его: «*Ask permission to go home*», Саша бежит к воспитательнице и спрашивает: «*Можно идти домой?*» (2;07;30). У Миши такие «переводы» зафиксированы немного позднее. Например, бабушка показала Саше игрушку и сказала: «*It's a bee*», а Миша, который был рядом, уточнил: «*Это пчелка*» (2;09;04).

Саша гораздо раньше, чем Миша, начал использовать переключения-дублирования, правда, они касались только отдельных лексем: «*Br-ru, car*» (2;02;13), «*Собака, бака, dog*» (2;02;27), «*Луна – moon*» (2;02;28), «*Темно, dark*» (2;03;27), «*Деда, granddad*» (2;04;23), «*Да, yes*» (2;05;09). Переключения-дублирования у Миши появились только в 3;0.

Таким образом, можно отметить следующие сходные характеристики ранних детских смешений языков на первых двух этапах билингвального развития:

- 1) трудно определить, какой язык является матричным;
- 2) редко соблюдается принцип системных морфем, иногда наблюдаются нарушения принципа порядка морфем, особенно в высказываниях, где роль матричного выполняет недоминантный язык;
- 3) на первом этапе билингвального развития переключения представлены только вкраплениями, на втором этапе вкрапления – самый частотный структурный тип, но уже не единственный;
- 4) внутрифразовые переключения чаще всего представлены существительными;
- 5) причины ранних переключений кодов – применение стратегий облегчения и взаимоисключения лексем;
- 6) многие смешанные высказывания в ответных репликах детей можно трактовать как частичный перевод услышанного ими в иницирующих репликах взрослых.

Различия в билингвальных структурах двух детей из одной семьи на первых двух этапах наблюдаются в следующем:

1) у старшего ребенка структуры разнообразнее, так как регулярнее, чем у младшего, реализуются некоторые системные морфемы как матричного, так и гостевого языка;

2) у младшего брата раньше и активнее используются переключения-дублирования и случаи спонтанного перевода.

Возрастные особенности этапов билингвального развития отличаются у двух детей из одной семьи незначительно. Наблюдение показало, что одни явления билингвальной речи используются раньше одним ребенком, другие фиксируются раньше и активнее у другого ребенка. Однако для проверки выдвинутых положений требуется продолжить сопоставление на последующих этапах билингвального развития детей. При этом, возможно, придется внести поправки в трактовку значимости каждого из параметров, используемых для характеристики этапов билингвального развития ребенка.

Литература

1. Grosjean F. The bilingual's language modes // One mind, two languages: Bilingual language processing. Oxford: Blackwell, 2001. P. 1–22.
2. Jarovinsky A. Acquiring bilingual communicative competence // Proceedings of the V International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics. Porto, 1999. P. 561–564.
3. Saunders G. Bilingual children: Guidance for the family. Clevedon: Multilingual Matters, 1982. 278 p.
4. Saunders G. Bilingual children: From birth to teens. Clevedon: Multilingual Matters, 1988. 274 p.
5. Мадден Е. Наши трехязычные дети. СПб.: Златоуст, 2008. 308 с.
6. Мадден Е. Интерференция в речи трехязычных детей (11 лет) // Россия и Германия: взаимодействие языков и культур. Череповец, 2013. С. 135–141.
7. Barron-Hauwaert S. Bilingual Siblings: Language Use in Families. Clevedon: Multilingual Matters, 2011. 231 p.
8. Чиршева Г.Н., Коровушкин П.В. Периоды билингвального развития ребенка // Взаимодействие языков и культур: исследования выпускников и потенциальных участников программ Фулбрайта: материалы докладов IV Междунар. науч. конф. Череповец, 2015. С. 143–148.
9. Lanvers U. Language alternation in infant bilinguals: A developmental approach to code-switching // International Journal of Bilingualism. 2001. Vol. 5, № 4. P. 437–464.
10. Myers-Scotton C. A lexically based model of code-switching // One Speaker, Two Languages. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 233–256.
11. Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in code-switching. Oxford: Clarendon Press, 1997. 285 p.
12. Myers-Scotton C. Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes. Oxford: Oxford University Press, 2002. 342 c.
13. Чиршева Г.Н. Двухязычная коммуникация. Череповец: ЧГУ, 2004. 190 с.
14. Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: Одновременное усвоение двух языков. СПб.: Златоуст, 2012. 488 с.

MIXED SPEECH OF BILINGUAL CHILDREN IN A RUSSIAN FAMILY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 48. 84–97. DOI: 10.17223/19986645/48/6

Galina N. Chirsheva, Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation). E-mail: chirsheva@mail.ru

Petr V. Korovushkin, Citadel LLC (Cherepovets, Russian Federation). E-mail: korovushkin.petr@mail.ru

Keywords: childhood bilingualism, code-switching, structural and pragmatic aspects of bilingual speech, Russian, English.

Mixed speech is observed in bilingual interactions with code-switching. Code-switching is the use of units of one language within utterances in another language.

The paper deals with structural, semantic and pragmatic aspects of two bilingual siblings' mixed speech at two earliest stages – before they were 36 months old. An additional objective is to reveal common and specific characteristics of mixed utterances in the speech of two children growing in the same family.

The boys acquire Russian and English simultaneously in 'one parent – one language' bilingual context within a Russian family in a Russian city. The age difference between the boys is 28 months. Their bilingualism is developed in monoethnic settings, which means that both parents and other relatives belong to the same ethnic group, but they have chosen two languages to speak with the children: mother and her relatives use Russian, their native tongue, while father and his parents (the children's grandmother and grandfather) use English, their non-native tongue. The children's bilingualism is treated as a naturalistic one since special training is excluded from the process: the boys acquire both languages in everyday communication.

Structural features of the boys' bilingual utterances are analyzed within the framework of the Matrix Language Frame Model (MLFM) elaborated by C. Myers-Scotton (USA) for adult speech.

The authors describe the main principles of MLFM and the classification of code-switches that is based on the model. MLFM has been adopted here for the analysis of child bilingual utterances.

The authors found out that mixed utterances at the first two stages of bilingual development show the following characteristics:

- in most cases it is hard to differentiate between the Matrix and the Embedded languages;
- the main principles of the MLFM are violated, especially the system morphemes one;
- the only structural type of code-switches at the first stage of bilingual development is a one-word insertion; other types, though sporadically, appear at the second stage;
- intrasentential code-switches are almost always nouns;
- the most salient pragmatic reasons for bilingual mixing are based on the use of two interrelated strategies employed by the children – relief strategy and mutual exclusivity strategy;
- some early code-switches can be viewed upon as partial interlanguage interpreting of the utterances that the children extracted from adults' speech addressed to them.

The comparison of the siblings' mixed utterances has revealed that at the first two stages there are more common than specific characteristics in all aspects of their code-switching. The differences are age-related: (1) the elder brother demonstrated more variability in structural characteristics of code-switches since he acquired system morphemes of both Matrix and Embedded Languages earlier and more actively; (2) the younger brother used self-interpreting and spontaneous interpreting earlier and more actively.

References

1. Grosjean, F. (2001). The bilingual's language modes. In: Nicol, J.L. (ed.) *One mind, two languages: Bilingual language processing*. Oxford: Blackwell.
2. Jarovsky, A. (1999). Acquiring bilingual communicative competence. *Proceedings of the V International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics*. pp. 561–564.
3. Saunderson, G. (1982). *Bilingual children: Guidance for the family*. Clevedon: Multilingual Matters.
4. Saunders, G. (1988). *Bilingual children: From birth to teens*. Clevedon: Multilingual Matters.
5. Madden, E. (2008). *Nashi tryokhyazychnye deti* [Our trilingual children]. Translated from English. St. Petersburg: Zlatoust.
6. Madden, E. (2013). Interferentsiya v rechi tryokhyazychnykh detey (11 let) [Interference in the speech of trilingual children (11 years old)]. Translated from English. In: *Rossiya i Germaniya: vzaimodeystvie yazykov i kul'tur* [Russia and Germany: Contacts of languages and cultures]. Cherepovets.
7. Barron-Hauwaer, S. (2011). *Bilingual Siblings: Language Use in Families*. Clevedon: Multilingual Matters.
8. Chirsheva, G.N. & Korovushkin, P.V. (2015). [Stages of bilingual children's development]. *Vzaimodeystvie yazykov i kul'tur: issledovaniya vypusnikov i potentsialnykh uchastnikov program*

Fulbrayta [Contacts of languages and cultures: papers by alumni and potential applicants of Fulbright programs]. Proceedings of IV international conference. Cherepovets. pp. 143–148. (In Russian).

9. Lanvers, U. (2001). Language alternation in infant bilinguals: A developmental approach to codeswitching. *International Journal of Bilingualism*, 5 (4). pp. 437–464.

10. Myers-Scotton, C. (1995). A lexically based model of code-switching. In: Milroy, L. & Mui-sken, P. (eds) *One Speaker, Two Languages*. Cambridge: Cambridge University Press.

11. Myers-Scotton, C. (1997). *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching*. Oxford: Clarendon Press.

12. Myers-Scotton, C. (2002). *Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes*. Oxford: Oxford University Press.

13. Chirsheva, G.N. (2004). *Dvuyazychnaya kommunikatsiya* [Bilingual communication]. Cherepovets: Cherepovets State University.

14. Chirsheva, G.N. (2012). *Detskiy bilingvizm: odnovennoe usvoenie dvukh yazykov* [Childhood bilingualism: Simultaneous acquisition of two languages]. St. Petersburg: Zlatoust.